

ПЕРЕМЕШИВАЯ СЮЖЕТЫ

* * *

Татьяне Мальгавко

Этот дом – смешенье надежд и судеб,
Встреч и расставаний... И новых встреч.
Дом на Александровской. Он, по сути,
Помогал поэтам талант сберечь.

Здесь по воскресеньям кипели споры,
И звучало слово на все лады.
Творчество легко выпускало споры,
Заражая дерзостью молодых.

Старый «Дом Учителя» – в самом деле
Больше, чем четыре его стены.
Я приехал в Тару в конце недели,
В это средоточие старины,

Тишины, покоя, знакомых ставен.
И пошёл, горчащей тоской ведом,
То ли отыскать, что я здесь оставил,
То ли поглядеть на знакомый дом.

Я не к храму шёл, как любой приезжий,
Не к домам купеческим, не в музей.
Я пришёл на свет, что отныне брезжит
В каждой новой книге моих друзей.

* * *

Пушкин кукушке читает стихи в ночи –
Всё, что успел срифмовать на своём веку.
Птица отчаянья слушает и молчит.
Копится в клюве последнее злое «ку».

Видит кукушка насквозь его, на прострел:
Мальчик кудрявый с морщинками возле глаз.
Он до сих пор царскосельский лихой пострел,
Хоть уверяют: «Повеса и ловелас...»

Сколько кукушка молчала ему в плечо,
Сколько чужого свинца пролетело, но
Пушкин вдруг смолк... Неужели, там кровь течёт?
Чёрная речка бела, а кругом темно.

Чур тебя, смерть! Не бывать тебе, не бывать!
Он ведь певец твой, воспевший недавний мор...
Только кукушка не думает куковать.
Каплет из клюва могильное: «Не-вер-мор».

Нет, не бывать!.. Но судьба сосчитала дни.
Мечется, бредит, предсмертные муки для.

Чудится, няня склонилась в ночи над ним:

– Саша, кому ты читаешь?

– Читаю для...

* * *

Наш будний мир нелепей и опасней,
Чем русской сказки красочный лубок:
Пока лиса ворону кормит басней,
Из клюва ускользает колобок.
Он сказку припечатывает крепко,
Да так, что мир потом трясёт всю...
Дед тянет невод с золотою репкой,
Не понимая, что творится сюр,
Кощей иглу меняет на корону,
Учёный кот скрывается в лесах,
И снова провоцирует ворону
Голодная матёрая лиса.

* * *

В небе маячит луны апостроф –
Краткая форма её самой.
Близость беды ощущая остро,
Наш Одиссей покидает остров,
Выкрикнув: «Выиграем, и домой!»

Знал бы скиталец, как мир устроен,
Он бы бежал от постылой Трои,
Словно бы от огня!
Но Агамемнон зовёт в атаку.
Значит, пора покидать Итаку
Нынче, на склоне дня.

Царь остаётся в умах у черни
Густобородым, в лучах вечерних,
Мчащим навстречу с тьмой.
Скупой ответил прощальным взмахом
Он Пенелопе и Телемаху.
Он возвратится из бездны страха
К близким своим, домой.

Но, как гекзаметр, непокорен
Город, принёсший и смерть, и горе.
Троя – одна беда.
А за стеной его ластят море,
Чтоб деревянным конём стать вскоре,
Греческие суда.

Ты был не первый и не последний –
Давних напевов слепой наследник,
Голос времён, Гомер.
Где в наше время твоя Эллада?
Где же поэмы и где баллады?
Кто для живых пример?

В землях, где жаркий пустынный климат,
Бьются за нефть и «Гомер», и «Шлиман».
Как тут писать стихи?
И позывной «Одиссей» в эфире
Слышен с земли и богам в Эфире.
– Ну же, ответь, Ахилл!..

Главный рубеж обороны вспорот.
Группа спецназа заходит в город,
Гектору на беду.
Стой, Одиссей! Не мечтай, не ведай.
Что там последует за победой,
Видится лишь в бреду.

Всё как в поэме, и даже хуже:
Ты будешь ранен, притом контужен,
И упадёшь во тьму.
Густобородый, в разгрузке пыльной,
Слыша сражения гул могильный.
Ты не спеши к нему.

Ждут тебя близкие, ждёт Итака.
Рядом, в угаре, идёт атака.
Нефть подросла в цене!
Лишь на рассвете отыщут двое,
Вынесут раненого из боя.
Не отдадут войне.

Годы пройдут, и тогда из комы
Выйдет на свет пациент искомый,
Вспомнит, как долго он не был дома –
Десять тяжёлых лет.
Как же отчаянно тянет к жёнам
Их: Одиссея, Ивана, Джона...
Общей судьбы скелет.

Позже Гомер, веря в чудо слепо,
Трою восславит, а с ней – Алеппо,
Всё намешает всласть.
Тысячи лет как одно мгновенье.
Лишь у творца как по мановенью –
Над мирозданьем власть.

Вот автомат с откидным прикладом,
Греческий щит, арбалет и латы,
Скифский кинжал, праща.
Ты снаряжён для грядущих странствий.
Путь твой во времени и пространстве.
Разве скажу: «Прощай...?»

* * *

Всё в мире начинается с весны,
Когда под ливнем первоцветы гнутся,
А сквозь подушку прорастают сны
О тех, кому не суждено проснуться,
О тех, кому не суждено вернуться,
О тех, кому уже не суждено...
Их образы останутся в кино,
Их медальоны смертные – в музеях,
Где дремлет вечность в склянках и фюзелях,
Все сотни поколений уравнив
От пращуров, сидящих у огня,
Сквозь время их свершения просеив
И на просвет вдруг разглядев меня.

Желтеют письма, зеленеет медь,
В витринах выцветают гимнастёрки,
И нам, живущим, больше не суметь

Дознаться, жил ли вправду Вася Тёркин.
Но на портретах фронтовых ишу
Там, рядом с дедом, молодым и статным,
Парнишки развесёлого прищур –
Солдата, не пришедшего обратно,
Оставшегося с гильзами лежать
(Под Курском ли, под Севском ли – не важно).
Он бился там. Отчаянно, отважно.
А нам лишь зубы остаётся сжать.
Он лишь на это нам оставил право.

Сквозь грохот: «Переправа, Переправа...»
Горланит время: «Бой идёт кровавый...»
Тот самый «страшный бой не ради славы»,
Тот самый «ради жизни на земле».
В каком-нибудь оставленном селе,
Где до войны врага искала тройка,
А позже всё сжирала перестройка,
Отчаянно верстая на тот свет,
В селе, где ныне улицы пустынные,
Никто уже не ждёт его у тына.
Он уходил, как призрачный рассвет –
На запад, вслед за солнцем, вслед за ветром,
Считая вёрсты, мили, километры
(система исчисления не важна).
Смотрела вслед испуганно жена,
Затем за годом год ждала она
Из горечи, из дыма и огня,
Нашептывая тихо: «Жди меня...»
И дети ждали. Он едва успел
Понянчить их. Не докурил, не спел...
Ты прав, поэт, «последний папиросы»
Не докурил и сгинул где-то там,
Где смерть в строю шагала попятам
И выкликала гаубичным гулом.
А нам осталось, чтоб сводило скулы,
Лишь зубы стиснуть и молчать. Молчать.
И помнить без крикливости, без фальши.
И дальше жить. Всё дальше-дальше-дальше...

Ты скажешь: «Что-то путаешь, сынок,
В оригинале Тёркин одинок,
И ты стихи Твардовского неверно
Трактуешь – в школе заучил их скверно...»
Раз я детали вспомнить не могу,
Так вписывай фамилию в строку
Любую, и навряд ли ошибёшься.
Так много судеб выжжено войной
По страшному шаблону: за спиной
Жена и дети, впереди – дорога...
И, кажется, в стихах моих нет прока,
Легко в незнание упрекнуть, во лжи.
Вот-вот начнут учёные мужи,
На сорок пятый май взглянув из лета,
Из ясного, безоблачного дня,
Вещать, что им: писателям, поэтам,
Известно всё (в отличие от меня).
А Тёркин что? Не понял до конца
Ни жертвенности (под волной свинца),
Ни истинный, глубинный смысл победы.

Возьми, вдова, конверт и приголубь
(От Тёркина? Петрова? Иванова?)
Его письмо последнее, и снова
Подумай, что ты знаешь наизусть
Там каждое написанное слово.
Не понял смысл победы? Ну и пусть!
Он понял землю на полметра вглубь,
Окоп, что стал концом его дороги.
Он никогда не встанет на пороге,
Да так, чтоб гимнастёрка – в орденах.
И никогда не выскочит жена
Навстречу мужу, радости, весне...
Они нам снятся иногда. Во сне
(там, где обычно, чудеса возможны)
Солдат домой крадётся осторожно,
Да только не доходит никогда:
Села уж нет – бурьян, да лебеда.
Здесь враг прошёл с войной? Стряслась беда?

Всё это сон. Ты зря ответа ждёшь,
Будь Иванов, Петров ты или Тёркин,
Ты, наш спаситель в потной гимнастёрке,
Не встретишь близких, в дом свой не войдёшь.
Ты выдуман? Ведь многим неохота
Поверить в то, что приземлённо-зло,
С отчаяньем и яростью пехоты,
По пепелищам в бой добро ползло.
По нашим, по советским пепелищам,
Где прежде споро строились дома.
А жизнь хрупка – и только ветер свищет...
Но разве это – пища для ума?
Но разве это повод бить тревогу,
Когда твердят, что мир обязан Богу
Своим спасеньем? Богу одному,
А вовсе не погибшему солдату,
В бездонный мрак упавшему когда-то.
Так почему, ответьте, не ему,
Тому, кто стал короткой скорбной датой
Среди множества подобных скорбных дат?
Не мне ответьте, а тому солдату.
Да будет свят и подвиг, и солдат.

ДЖУЗЕППЕ

Стружку снимает судьба, шутя.
Время острей резца.
Выстругал мастер себе дитя.
Лихо, без образца
И без подобия. Из бревна,
Пахнущего смолой.
Старый Джузеппе хлебнул вина:

– Дышит. Привет, малой...
Карло, мои у него черты.
Кажется, сизый нос.
Я бы отдал его, если б ты
Завтра «пузырь» принёс.
Что, принесёшь?.. Значит, будем пить!
И-и-и... не была-была...
Он ведь по замыслу должен быть

Ножкою для стола.
Я бы его, да с размаху в печь,
Пусть погудит в трубе
Пламя сомнений. О том и речь...
На вот, дарю тебе.

Взгляд у полена тепло мерцал,
Всё понимал вполне.
Старый Джузеппе в себе творца
Молча топил в вине.
Плакал над ним весь небесный хор,
Лишь поднимал стакан.
Жизнь, словно стружки лихой вихор,
Падала с верстака.

ДОМ

«...В доме, который построил Джек»

С. Маршак

Вот дом. Его, может, построил Джек,
А, может, построил трест.
Его год за годом мусолил ЖЭК
И ставил на доме крест.
Он помнит и смех, и ночной арест –
Обычный кирпичный дом.
Увидев десятки таких окрест,
Ты их отличишь с трудом.
Похожи в них двери, антенны в ряд,
«Кандёры» по всем стенам.
И только лишь в Этом, как говорят,
Смешались все времена.
Здесь ночью глухие шаги звучат,
Здесь короток каждый день.
Заходишь на кухню в полночный час,
И видишь, как чья-то тень
Сдирает обои за слоем слой,
Сквозь время уходит вглубь:

Вот эти по блату к ним занесло,
Когда он был мал и глуп,

Что прямо поверх хризантем и роз
Вазюкал карандашом.
Но мальчик вырослел, над цветами рос,
И жребий не обошёл –
Он начал курить, он завёл семью,
Поклеил обои в цвет
Печального неба. Какой уют,
Когда они гасят свет?
Семья разбежалась, и, взяв вину,
На сдачу купив вино,
Вот здесь, у окна, он скурил одну,
Хотел было прыгнуть, но...
Врастал в этот дом, становясь всё злей,
Исполненный до краёв
Горючей обиды...

Обойный клей
Впитается в сто слоёв,
Спустя тридцать лет размягчит цветы,
Вернёт из небытия.
А дом среди прочих увидишь ты,
А, может, увижу я.
Пусть он – лишь метафора громких ссор,
Мечтаний, стремлений, но
Порой нам дано выбирать узор,
А прочее – не дано.
Порой всё не клеится, как назло,
Да только пройдёт беда.
И если тебе невзначай свезло,
Не думай, что навсегда...

* * *

Хрущёвка, ПАЗик, кислое житьё...
«Провинциалка» – застревает комом
В девичьем горле. Кройка и шитьё,
И прочие труды её по дому

Доставали, допекли, свели к нулю
Все прежние амбиции и страсти.
И вместо фразы «Я тебя люблю!»
С порога муж твердит: «Ну, вот я, здрасьте...».

Она в Москву стремится из провин...
Из душных комнат, из дворов знакомых.
Ей кажется, что мир неисправим,
Но вдруг – щелчок: «Любимая, я дома...».

И про столицу до поры молчок.
Так рыбка попадает на крючок.

* * *

Бессонницей отмечено окно.
На девять этажей оно одно.
В полночный час там нет теням покоя,
И кто-то бродит от стены к стене.
Из сотен окон лишь оно – такое,
И оттого столь непонятно мне.

Да что там дом! Спит городской квартал,
И лишь окно – таинственный портал
В мир грёз, который не постичь иначе,
Как только разузнав, что свет в окне
Не просто так, и что-то явно значит
Он для кого-то не внутри, а вне...
Быть может, он ниспослан, явлен мне,
Как чудо, что порой зовём удачей.

О ком грустят там, думают о ком?
Кому горит печальным маяком
В районе спальном, тёмных окон между,
Как суть всего, без шелухи причин,
Когда не важно, кто же свет включил,
Вольфрамовая ниточка надежды?